

— А где же песик Цзесинь? Мы, кажется, его так и не увидели. Раз паломники помнят о нем столько лет, он, наверное, очень красивый? — Девушки с камерами для прямой трансляции обменялись взглядами и мягко спросили: — Если это удобно, можно нам на него посмотреть?

— Цзесинь и правда невероятно умен, наш настоятель даже говорит, что у него есть буддийский корень мудрости. Но вот увидеть его, пожалуй, будет непросто, — сокрушенно ответил монах. — Цзесинь уже в преклонном возрасте и не любит двигаться. Его конура возле монашеских келий, так что сейчас он, скорее всего, в заднем дворе.

Задний двор был закрыт для посетителей храма, поэтому вести туда двух девушек, разумеется, было неудобно.

Однако эта трансляция проводилась совместно несколькими обществами защиты животных столицы и являлась благотворительной акцией по поиску хозяев для собак. Не желая расстраивать зрителей, монах пообещал: если аудитории интересно, позже он выложит фотографии Цзесиня в Вэйбо.

Опытная ведущая тут же подхватила разговор:

— Наставник, подскажите, а откуда взялось имя Цзесинь? «Синь» означает «тяжелый труд»?

— Вовсе нет. В буддизме есть обеты, а «синь» — это пять видов приправ с острым, резким вкусом, которые также называют малым сокровением. Так что «Цзесинь» означает... — Монах продолжал объяснять зрителям, параллельно ведя съемочную группу по двору согласно плану. Это была отличная возможность распространить знания о буддизме. И всё же монах немного сожалел: изначально этот рассказ должен был вести его старший соратник, брат Сибянь, но надо же было такому случиться — именно сейчас на того сошло озарение! Вот и пришлось занять его место.

«Эх, если бы за дело взялся старший брат, получилось бы гораздо лучше, как жаль».

Впрочем, окажись он на месте брата, он бы и сам не отказался от подобного шанса на озарение!

Чего он не знал, так это того, что упомянутый в разговоре пес Цзесинь находился совсем рядом. Вытянув передние лапы, он с глубокомысленным видом наблюдал за шумной толпой.

Эх...

Пес тяжело вздохнул, поднялся, отряхнул шерсть и легкой походкой направился к заднему двору этого небольшого храма — совсем не похож на старую собаку на склоне лет.

Возле дверей одной из келий кипела жизнь: люди в монашеских рясах, даосских облачениях, ритуальных мантиях и строгих костюмах толпились точно так же, как и тогда, когда он уходил.

Даосы восторженно размахивали какими-то листами бумаги, фотографировались и звонили по телефону, а вот буддийские монахи выглядели мрачнее тучи, одаривая даосов далеко не самыми дружелюбными взглядами.

Несколько мужчин в костюмах с головной болью на лице стучали по клавишам ноутбуков и, качая головами, объясняли монахам:

— Мы всё проверили. Человек, приславший документ, абсолютно обычный. В списках

религиозных организаций не числится, скорее всего, неверующий. Сейчас он занимается фермерством в одной из деревень Дунбэя. Нет, с даосскими храмами он никогда не связывался.

— Да, мы склонны считать это совпадением. Он просто искал переводчика в чате, и мастер Сибянь сам связался с ним. Мы подняли историю сообщений: до этого он текстов не отправлял, да и в WeChat статус его сети не менялся. Он вряд ли подстраивал это против мастера.

«Похоже, так и есть. В конце концов, я и сам проверял — тот парень явно не из последователей шаманизма».

Пес Цзесинь чинно уселся и, высунув язык, посмотрел на людей с этой мыслью.

Э-э... Постойте, какая еще проверка? Разве ты не просто песик?

На самом деле он был совсем не простым псом. Его истинный облик — божественный зверь по имени Суаньни, который сбежал из дома, чтобы саботировать работу.

Суаньни любит дым. Проходя через него, благовонный дым становится чище и насыщеннее, поэтому с древнейших времен его изображение вырезали на курильницах.

Как известно, в древности позволить себе курильницы и изысканные благовония могли в основном привилегированные слои общества. По этой причине среди девяти братьев Суаньни был самым хитроумным и расчетливым.

Пока другие братья устраивали грандиозную кутерьму, сбегая от младшеньких или от папаши, он сохранял абсолютное хладнокровие.

Он просто обратился собакой и укрылся в храме Дунлинь — маленькой захолустной обители.

Сам храм и без того сочился благодатной аурой, а если еще и немного скрыть собственную силу, то можно спрятать почти все следы присутствия.

Что же до буддийских сутр... Ха, на самом деле ему всегда нравился буддизм! Раньше он и сам с удовольствием ходил послушать проповеди великих мастеров.

Почему именно собака?.. Кхм-кхм. Вообще-то его естественный звериный облик ближе к кошачьему, но в храме и так жили собаки. Стоило им увидеть его, как они тут же норовили приластиться. Это было невероятно хлопотно, вот он и сменил облик.

Для него что кошка, что собака — разницы никакой.

Что? Гордость божественного зверя? Ха-ха! Тот, кто так думает, просто не видел, в каких верных угодников превращаются божественные звери, когда ухаживают за самкой. У зверей всё просто, никаких людских выкрутасов. Чтобы завоевать жену, нужны всего два пункта: 1. Быть к ней добрым. 2. Продемонстрировать свою красоту.

Это людям подавай кучу ухищрений при ухаживании: то игры «ближе-дальше», то мучительные драмы с глубокими чувствами... У зверей брачный период короткий, и если бы они были столь же неэффективны, как люди, то остались бы вообще без детенышей!

Кхм-кхм, что-то он отвлекся.

А главное — в храме не прекращался курящийся дым благовоний, да еще имелись кондиционер и Wi-Fi, а жизнь монахов шла по четкому распорядку. Поняв этот ритм,

заниматься своими делами становилось проще простого.

Например, писать романы.

В свое время предыдущий настоятель вложил все свои гробовые сбережения, чтобы прокормить храм и бродячих собак. Суаньни тогда просто не смог смотреть на это равнодушно.

Проблема заключалась в том, что он сам запечатал большую часть своей магической силы, а оставшихся сил не хватало даже на то, чтобы открыть пространственный мешок с сокровищами. В то время он как раз вспомнил об одном мастере, который часто разбивал текст на короткие абзацы ради гонораров за количество строк, и эта идея натолкнула его на мысль. Суаньни тихонько взялся за бумагу и кисть и после усердных трудов успешно заработал свой первый капитал.

Суаньни специализировался на исторических романах и имел тут естественное преимущество: в конце концов, с большинством главных героев своих книг он был знаком лично, так что о фальши и искажении характера можно было не беспокоиться. К тому же чтение исторических трудов только освежало его собственные воспоминания. Пока другие создавали оригинальные произведения, он, по сути, писал фанфики-мемуары!

Кхм-кхм, благодаря этому он даже обзавелся армией поклонников.

Кстати говоря, тот самый Сяо Ся тоже был его фанатом.

К этому Сяо Ся Суаньни питал довольно сложные чувства.

Как-то поздней ночью, не в силах уснуть, Суаньни вытащил смартфон и лапой листал чаты. Тогда-то он случайно и наткнулся на сообщение парня о решении уехать в деревню. В особенности его подкупило то, что Сяо Ся сделал это ради своей собаки — такой поступок сразу прибавил ему симпатии в глазах Суаньни.

Поэтому, когда позже парень столкнулся с проблемой очистки сточных вод, Суаньни порекомендовал ему компанию своей семьи. Хотя он и сбежал из дома, но как хороший старший брат всё равно переживал за семейный бизнес и младших.

А затем... он увидел лицо собственного старшего брата в ленте у одного из младших сородичей.

Задав пару наводящих вопросов, он выяснил положение дел старшего брата, после чего молча добавил Сяо Ся в WeChat и вежливо пообщался с ним.

И на душе у него стало непередаваемо сладко.

Будущий избранник брата — его собственный фанат! Хи-хи-хи-хи, каков кайф!

Что? Не избранник? Если взгляд его братца на этого парня — не расцветшее на старости лет чувство, то он лично съест все буддийские сутры!

Впрочем, дальнейшие события слегка вышли из-под контроля.

Все эти годы он пользовался покровительством храма Дунлинь, поэтому, когда у храма возникли проблемы, он, конечно же, должен был вмешаться. Но вот незадача: как и смертные люди, он тоже не смог разглядеть в происходящем ничего подозрительного.

Теперь буддисты твердят, что даосы переманивают их людей, а текст, который мог написать

только выдающийся даосский мастер, служит тому доказательством. Даосы же уверяют, что чисты перед законом: дескать, будь у них такой великий мастер, они бы возвращали собственных последователей, а не переманивали кого-то из чужих обитателей.

Обе стороны спорили без остановки, пока дело не дошло до Управления. Управление проверило биографию Сяо Ся и пришло к выводу, что тот чист и на адепта даосизма совсем не похож.

И тогда у некоторых родилась теория заговора: а не пытается ли кто-то специально сткнуть их лбами?

Суаньни погладил подбородок — эта мысль натолкнула его на интересное соображение.

Если в Дунбэе и было учение, независимое от буддизма и даосизма, то это, без сомнения, шаманизм. Впрочем, в народе его любя называют просто «шаманскими плясками».

Шаманизм относится к народным верованиям региона Дунбэй в Китае, а его история уходит корнями к истокам кочевых племен. Однако из-за отсутствия письменности учение долгое время передавалось исключительно из уст в уста. Лишь когда монголы, а затем чжурчжэни пришли к власти в Поднебесной, шаманизм перенял у даосизма и буддизма традицию ведения письменных записей.

<http://bllate.org/book/18144/1757871>